

Секция
«Личность в системе общественных отношений:
социально-правовые аспекты»

Проблемы определения возрастных и волевых критериев работодателей – физических лиц в трудовом праве России

Разработчики нормативных актов, регулирующих трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения, должны максимально учитывать объективные потребности реальной действительности, состояние того или иного участка жизни общества в социально-трудовой сфере. Ведь в случае, если принятые правовые акты о труде будут противоречить объективной действительности, если субъекты трудового права к переменам не готовы или нет необходимых условий, содержащиеся в них нормы трудового права, как минимум, станут не применяющимися на практике.

В связи с этим введение в Трудовой кодекс РФ (ст. 20) новых фигур работодателей – несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, а также совершеннолетних, но ограниченных судом в дееспособности [1], – представляется нецелесообразным. Как, по мысли законодателя, указанные лица, выступающие в качестве работодателей, смогут выплачивать заработную плату не ниже МРОТ? Вызывает сомнения и то, что подросток, а также лицо, которое вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, смогут надлежащим образом выполнять свои обязанности по трудовому договору. Поэтому следует согласиться с мнением Г. В. Хныкина, согласно которому «теоретически данная норма, возможно, и верна, но в реальной жизни вряд ли может быть применима» [2].

Как известно, гражданин, ограниченный в дееспособности, вправе самостоятельно совершать лишь мелкие бытовые сделки; совершать другие сделки он может лишь с согласия попечителя; попечитель получает и расходует заработок, пенсию и иные доходы гражданина, ограниченного судом в дееспособности, в интересах подопечного в порядке, предусмотренном статьей 37 Гражданского кодекса (п. 1 ст. 30 ГК РФ). При этом под мелкими бытовыми сделками понимаются «сделки, заключаемые на небольшую сумму за наличный расчет, исполняемые при их заключении и имеющие целью удовлетворение личных потребностей (покупка продуктов, канцелярских товаров и т.п.)» [3]. Как видно, под категорию мелких бытовых сделок заключение трудового договора не подпадает. Получается, что заключив, хотя и с письменного согласия попечителя, трудовой договор в целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства, работодатель – физическое лицо, не являющийся индивидуальным предпринимателем, не имеет возможности расходовать заработок, пенсию и иные доходы в целях выплаты заработка своему работнику.

Более того, реализация указанного положения на практике будет иметь, по нашему мнению, главным образом лишь негативные последствия, поскольку после заключения трудового договора на его стороны распространяются права и обязанности, предусмотренные многочисленными институтами трудового права (касательно рабочего времени, отпусков, оплаты, охраны труда и проч.), а относительно трудовой правосубъектности данной категории работодателей уверенности нет. Отсутствие физической и/или умственной и социальной зрелости у таких работодателей будет влечь за собой лишь недовольство со стороны их работников и, как следствие, разногласия, конфликты и трудовые споры. И это несмотря на то, что согласно ч. 11 ст. 20 ТК РФ законные представители работодателей – физических лиц с частичной или ограниченной гражданской дееспособностью – несут дополнительную ответственность по обязательствам, вытекающим из трудовых отношений, включая обязательства по выплате заработной платы. Ситуация становится еще более запутанной в связи с тем, что в соответствии с п. 1 ст. 30 ГК РФ гражданин, ограниченный судом в дееспособности, «самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за причиненный им вред». Так кто же тогда будет нести ответственность по обязательствам, вытекающим из трудовых отношений, включая обязательства по выплате заработной платы?

Очевидным представляется то обстоятельство, что введение в Трудовой кодекс РФ подобных возрастным и волевым критериям работодателей является следствием заимствования норм из Гражданского кодекса РФ, регулирующих дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и граждан, ограниченных в дееспособности, что, едва ли, является практически полезным. Ведь речь идет не о разовых гражданско-правовых сделках, на совершение которых требуется согласие их законных представителей или попечителей. Трудовое правоотношение, помимо всего прочего, имеет сложный характер, содержание которого «не исчерпывается парой корреспондирующих друг другу прав и обязанностей работника и работодателя» [4]. Кроме того, трудовое отношение подразумевает длящуюся во времени юридическую связь работника и работодателя, в рамках которой должна обеспечиваться реализация предоставленных работникам основных (статутных) прав в области социально-трудовых отношений. А потому существование подобных норм в ТК РФ снижает уровень гарантий трудовых прав работников [5], в связи с чем следует ограничить возможность заключения трудовых договоров в качестве работодателей для несовершеннолетних и ограниченных в дееспособности физических лиц, предоставив такую возможность лишь физическим лицам – со дня приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме.

Таким образом, закон, чтобы выступать качественным регулятором социально-трудовых отношений, должен, «во-первых, своевременно отказываться от отживших социально не одобряемых правовых норм и институтов; во-вторых, адекватно реагировать на изменения, происходящие в общественных отношениях, на появление и распространение новых типов общественных отношений» [6]. Иными словами, принятие норм трудового права в противоречии с экономическими условиями и потребностями объективной действительности, а также запоздалые либо слишком поспешные и неосторожные законодательные меры могут лишь замедлить и затруднить развитие качества правового воздействия трудовых норм на отношения в сфере народного хозяйства, экономики и т.д.

Литература

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ, признании недействующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 27. – С. 2878.
2. Хныкин, Г.В. Изменения Трудового кодекса: шаг вперед или два назад? / Г.В. Хныкин // Законодательство. 2007. № 3. – С. 33.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садилов. – М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1997. – С. 83.
4. Трудовое право России: учебник / Отв. ред. Ю.П. Орловский и А.Ф. Нуртдинова. – 2-е изд. – М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2008. – С. 16.
5. Алмаева, Ю.О. Негативные тенденции в развитии качества действующего российского трудового законодательства / Ю.О. Алмаева, Р.Г. Гайфутдинов // Правосудие в Татарстане. – 2010. – № 3 (43). – С. 39-40.
6. Чефранова, Е.А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: автореф. ... дис. докт. юрид. наук / Е.А. Чефранова. – Москва, 2007. – С. 3.

Типичные нарушения трудовых прав работников в современной России

Ознакомление с научными публикациями, статистическими данными и результатами надзорно-контрольной деятельности позволяет сделать вывод о том, что сложившаяся ситуация с обеспечением трудовых прав может быть охарактеризована как сложная и противоречивая.

Нарушениями социальных норм в трудовых правоотношениях выступают различные явления, наблюдаемые главным образом при приеме, переводе, увольнении, привлечении работников к юридической ответственности и т.д. В связи с этим некоторые авторы анализ исполнения российского трудового законодательства осуществляют по некоторым его основным институтам: заключение, изменение и прекращение трудовых договоров, применение мер дисциплинарного воздействия, материальная ответственность сторон трудового договора.

Как показывает практика, нарушения трудовых прав работников имеют место и по иным вопросам трудового законодательства. В частности, нарушения трудовых прав граждан проявляются также в сфере социального партнерства, в области охраны труда, в вопросах соблюдения законодательства о рабочем времени и времени отдыха, об оплате труда, при регулировании труда женщин и граждан, работающих у работодателей – физических лиц, и др. Безусловно, объектами пристального внимания специалистов являются указанные и иные правонарушения в сфере труда. Однако, как представляется, в качестве основания классификации трудовых правонарушений может выступать в том числе стадия, на которой находятся стороны трудового договора: заключение, исполнение, изменение или прекращение трудового договора.

Практика применения трудового законодательства свидетельствует о том, что наиболее распространенными среди правонарушений *в ходе заключения трудового договора* являются:

- необоснованный отказ в приеме на работу (ст. 64 ТК РФ);
- использование труда работников без надлежащего оформления трудовых отношений либо регулирование фактических трудовых отношений договорами гражданско-правового характера (ст.ст. 11, 67 ТК РФ);
- отсутствие уведомительной регистрации трудового договора работодателем – физическим лицом в соответствующем органе местного самоуправления (ст. 303 ТК РФ);
- требование при приеме на работу документов, не предусмотренных действующим трудовым законодательством (ст. 65 ТК РФ);
- невыдача работникам экземпляра трудового договора (ст. 67 ТК РФ);
- нарушение порядка оформления приема на работу: несоответствие содержания приказа работодателя о приеме на работу условиям заключенного трудового договора; необъявление работнику под роспись приказа работодателя о приеме на работу; неознакомление работника с локальными нормативными актами, непосредственно связанными с его трудовой деятельностью, коллективным договором (ст. 68 ТК РФ);
- нарушение порядка ведения и хранения трудовых книжек: незаведение трудовых книжек на работников, проработавших в организации свыше пяти дней; несвоевременное внесение в трудовые книжки записей о приеме на работу; несоответствие записи в трудовой книжке тексту приказа работодателя; внесение в трудовые книжки заведомо незаконных записей и т.д. (ст. 66 ТК РФ, Правила ведения и хранения трудовых книжек);
- невыполнение требований законодательства об обязательном медицинском освидетельствовании некоторых категорий граждан при устройстве на работу (ст. 69 ТК РФ);
- отсутствие в трудовых договорах некоторых обязательных условий (ст. 57 ТК РФ);
- согласование условий, не предусмотренных трудовым законодательством и нарушающих права работников (ст. 57 ТК РФ). Например, установление продолжительности рабочего времени свыше 40 часов в неделю; снижение зарплаты за нарушение правил внутреннего

трудового распорядка; установление не предусмотренных законодательством штрафных санкций; выплата заработной платы один раз в месяц либо в зависимости от поступления денежных средств; предоставление ежегодного основного оплачиваемого отпуска продолжительностью менее 28 календарных дней или условие о непредоставлении оплачиваемого отпуска и др.;

нарушение правил об установлении испытания при заключении трудового договора (ст.ст. 70-71 ТК РФ). К примеру, прием на работу с условием об испытании лиц, для которых установление испытания запрещено законом; отсутствие надлежащего оформления приема на работу с условием об испытании; превышение установленных сроков испытания и т.д.;

заключение срочных трудовых договоров при отсутствии достаточных к тому оснований (ст. 58 ТК РФ) и др.

В процессе реализации правовых предписаний трудового законодательства наблюдаются следующие характерные *ущемления прав лиц, состоящих в трудовых правоотношениях*:

неисполнение работодателем – физическим лицом обязанности по уплате страховых взносов в бюджет ПФР (ст. 303 ТК РФ);

привлечение работников к выполнению работы, не обусловленной трудовым договором (ст. 60 ТК РФ);

применение труда женщин на тяжелых работах, работах с вредными или опасными условиями труда, где труд женщин запрещен; превышение предельно допустимых нагрузок для женщин при выполнении работ, связанных с подъемом и перемещением вручную тяжестей (ст. 253 ТК РФ);

несоблюдение норм права о рабочем времени и времени отдыха, как то: отсутствие или ненадлежащий учет рабочего времени; невыполнение ограничений по работам в ночное время и сверхурочным работам; привлечение работников к сверхурочным работам с нарушением установленного законодательством порядка; неоплата или оплата в одинарном размере сверхурочной работы, работы в праздничные дни; отсутствие графика отпусков и нарушение установленного законом порядка предоставления отпусков (гл. 15-19 ТК РФ);

несоблюдение требований законодательства, связанных с обеспечением защиты персональных данных работника (гл. 14 ТК РФ, Федеральный закон «О персональных данных»);

невнесение в трудовые книжки сведений о награждениях (ст. 66 ТК РФ);

нарушение порядка применения дисциплинарных взысканий (гл. 30 ТК РФ) и др.

Типичными нарушениями требований действующего российского трудового законодательства *при изменении и прекращении трудового договора* являются:

изменение определенных сторонами условий трудового договора, в т.ч. перевод на другую работу, с нарушением установленного порядка. Например, без соблюдения законных оснований; без выраженного на это согласия работника; перевод работника в связи с производственной необходимостью на срок более чем один месяц и (или) без сохранения среднего заработка по прежней работе; невнесение в трудовые книжки сведений о переводах (гл. 12 ТК РФ);

перезаключение трудовых договоров с работниками, принятыми на неопределенный срок, на срочные трудовые договоры (ст. 58 ТК РФ);

отсутствие предупреждения об истечении срока действия договора (ст. 79 ТК РФ);

нарушение процедуры расторжения трудового договора по инициативе работника: расторжение трудового договора без получения работодателем заявления работника об увольнении, расторжение трудового договора до истечения срока предупреждения об увольнении при отсутствии соответствующего соглашения с работником (ст. 80 ТК РФ);

несоблюдение требований и гарантий законодательства при расторжении трудового договора по инициативе работодателя, в т.ч. процедуры высвобождения работников при ликвидации организации, сокращении численности или штата работников (ст.ст. 81-82 ТК РФ);

незаконное увольнение беременных женщин (ст. 261 ТК РФ) и т.д.;

внесение записи в трудовую книжку об основании и о причине прекращения трудового договора не в точном соответствии с формулировками ТК РФ или иного федерального закона или без ссылок на соответствующие статью, часть, пункт (ст. 84.1 ТК РФ);

несвоевременная выдача трудовых книжек и копий документов, связанных с работой, либо отказ в выдаче таких документов (ст.ст. 62, 84.1 ТК РФ);

невыплата работникам денежной компенсации за неиспользованные отпуска при увольнении (ст. 127 ТК РФ) и т.д.

Такая общественная практика в сфере труда является нежелательной, поскольку представляет собой опасность для социальной стабильности и безопасности страны.

Понятие и содержание репродуктивных прав человека

Анализ специальной литературы показал, что в настоящее время среди исследователей нет единства в определении репродуктивных прав. Более того, данная категория является новой для российского права, поэтому изучена правоведами недостаточно. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой репродуктивные права – «комплексный институт»[3, С.15], «совокупность правомочий» [2, С.12]. Однако ряд ученых исходит из того, что репродуктивные права - «одно из современных искажений свободы»[1, С. 597], «система взглядов, предполагающая приоритет половой и социальной реализации личности над заботой о будущем духовном и физическом здоровье общества, о его нравственной устойчивости»[1, С. 597]. Ученые дают только характеристику, а не определяют содержание репродуктивных прав. Оно конкретизируется в международных документах и включает в себя

- право человека иметь детей;
- право временно избегать деторождения;
- право вообще от него отказываться.

Из приведенного перечня видно, что только один аспект репродуктивных прав соответствует этимологическому значению термина «репродуктивный» - право человека иметь детей, остальные аспекты направлены на отказ от продолжения рода. Начало такому пониманию репродуктивных прав было положено священником англиканской церкви Томасом Мальтусом. В своем сочинении «Опыт о законе народонаселения или Изложении прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода» (1798) Т. Мальтус утверждал, что в то время как средства существования увеличиваются в лучшем случае лишь в арифметической прогрессии (1,2,4,8,16 и т.д.), рост народонаселения, если тому не возникает помех, имеет тенденцию возрастать в геометрической прогрессии (1,2,4,8,16 и т.д.).[1, С.597] [Данную закономерность ученый рассматривал как главное препятствие для повышения уровня жизни населения и роста благосостояния в обществе. Несмотря на резкую критику учения Т. Мальтуса со стороны многих видных ученых, оно оказало значительное влияние на общественную мысль XIX-XX вв., особенно на Западе. Взгляды ученого становятся идейной основой для разработки различных неомальтузианских методов социальной политики, оправдывающих меры по ограничению рождаемости. Наиболее ярким представителем неомальтузианства является Маргарет Хиггинс Сенджер. В 1952 году М. Сенджер основывает Федерацию независимого планирования семьи с целью остановить перепроизводство людей. Сегодня эта организация существует под названием Международная федерация планирования семьи (МФПС) и имеет консультативный статус ООН и его специализированных органов. Члены федерации более чем из 150 стран полагают, что «знания о планировании семьи являются частью основного человеческого права, и что в интересах человечества, ради... процветания и мира необходимо поддерживать баланс между населением планеты, ее природными ресурсами и производительностью». [2, С.12]

В 1993 году был открыт российский филиал Международной федерации планирования семьи, получивший название Российская ассоциация «Планирования семьи» (РАПС). Первоочередной стратегической задачей РАПС так же является реализация репродуктивных прав через право на планирование семьи и ответственный репродуктивный выбор. [1, С. 597]

На наш взгляд, такой подход к пониманию репродуктивных прав не согласуется с современными интересами России, с ценностями, провозглашенными в Конституции РФ. Продолжающееся сокращение численности населения является серьезным основанием для формирования российским законодателем собственной концепции репродуктивных прав в рамках конституционного права РФ, которая учитывала бы прежде всего интересы государства и нации в целом и закрепляла репродуктивные права как гарантированные, поощряемые

государством возможности продолжения рода, воспроизводства населения, а не сокращения его численности, в том числе и за счет средств «планирования семьи».

Для общего определения репродуктивных прав автором предлагается следующая формулировка: репродуктивные права – это права, связанные с реализацией различных аспектов продолжения рода (деторождения), а именно с принятием решения о зачатии ребенка, с определением количества детей, интервалов между их рождением, с применением высоких репродуктивных технологий в случае, если беременность не может наступить естественным путем. Репродуктивные права – это разновидность так называемых личностных прав, которые являются подвидом личных прав человека, закрепленных в Конституции РФ. Через репродуктивные права непосредственно реализуется право на жизнь.

Субъектом данных прав является любое физическое лицо, способное к продолжению рода, объектом - деторождение как высочайшее благо и ценность человечества.

Содержание репродуктивных прав, по нашему мнению, включает в себя, во-первых, конституционную защиту репродуктивных возможностей, во-вторых, содействие реализации последних со стороны государства.

Защита репродуктивных возможностей подразумевает конституционную обязанность государства реализовывать всю совокупность мер экономического, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-эпидемиологического характера, направленных на сохранение и укрепление репродуктивного здоровья каждого человека.[4]

Содействие реализации репродуктивных прав означает, что государство берет на себя обязанность по формированию демографической политики, основанной прежде всего на изменении положения в иерархии социальных институтов и возрождении духовно-нравственных традиций российской семьи, ценности человеческой жизни, материнства и отцовства.

Механизм реализации прав и свобод рассматривается как процесс, имеющий конкретные формы, способы, средства и стадии осуществления. При этом различают внутренний и внешний механизм реализации. Процессу осуществления репродуктивных прав, составляющему внутреннюю структуру механизма его реализации присуща большая степень самостоятельности личности в осуществлении данного права. Основной гарантией совершения лицом правомерных действий по осуществлению данного права выступает процесс саморегулирования личностью своего собственного поведения. Внешний механизм реализации репродуктивных прав включает в себя гарантии реализации и гарантии охраны. Гарантии реализации объединяют нормы, которые, во-первых, непосредственно закрепляют данные права, во-вторых, формулируют основные условия его реализации. Что касается закрепления репродуктивных прав, то, на наш взгляд, статья 38 Конституции РФ может быть дополнена следующей формулировкой: *«Право на продолжение рода гарантируется и поощряется государством»* и выглядеть следующим образом:

1. *Право на продолжение рода гарантируется и поощряется государством.*
2. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.
3. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей.
4. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях.

К нормам, формирующим основные условия реализации репродуктивных прав можно отнести статьи 20 - 22 Конституции РФ, закрепляющие право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, статью 19 Конституции РФ, провозглашающую принцип равноправия и другие. К гарантиям охраны репродуктивных прав относится содержащееся в статье 45 Конституции РФ указание на гарантированность государственной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Специфика механизма реализации репродуктивных прав заключается в том, что законодательство о репродуктивных правах в настоящее время не учитывает в полной мере современные достижения науки, что влечет возможность злоупотреблений, связанных прежде всего с жизнью человека.

Что касается пределов реализации репродуктивных прав, то применительно к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, можно утверждать, что надлежащее осмысление таких конституционных

ценностей, как нравственность, здоровье (духовное и физическое), безопасность государства и закрепление четкого правового статуса эмбриона человека позволит решить данный вопрос.

Литература

1. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. ред. и сост. А.А. Грицианов. – М. – АСТ, Мн.: Хервест, Современный литератор, 2001. – С. 597.
2. Романовский, Г.Б. Проблема репродуктивных прав в международном праве / Георгий Борисович Романовский // Международное публичное и частное право. 2003. №6 (15). – С.12.
3. Хазова, О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституционное право: Восточноевропейское Обозрение. 2001. №1 (34). – С. 15.
4. В 1994 г. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) приняла определение репродуктивного здоровья, которое предполагает благополучие детородных процессов и функций этой системы на всех этапах жизни. (ВОЗ о репродуктивном здоровье. - Здоровье мира. – 1994. - №3)

Особенности и основные направления законодательной социальной политики Екатерины II

Проводимые Екатериной реформы нашли отражение в законодательных актах, которые по своей форме были разнообразны. За время ее правления (33 года и 5 месяцев) было издано 5927 нормативных актов, из которых 118 – уложения, и указы, 33 – жалованные грамоты, 5771 – манифесты и указы, 35 – трактаты [1].

В первые полгода правления Екатерины II расширяется круг лиц, объявлявших указы: генерал-прокурором, генерал-фельдмаршалом, генерал-адъютантами, генерал-квартирмейстером, обер-гофмейстером. Растет число указов, объявляемых отдельными лицами. Например, указ, объявленный тайным советником Алсуфьевым; указ, объявленный генералом Фермором (Сенату); указ, объявленный генерал-полицмейстеру графом Орловым; и два указа, объявленные Военной коллегии генералом бароном фон Дицем. Кроме того, каждый год принималось по одному сенатскому указу в следствие «объявленного». содержание их было чрезвычайно разнообразно. Это и учреждение комиссии для рассмотрения армейского штата и выдача солдатам провианта и соляных денег, и снятие пожарных пикетов и учреждение пикетов «для прекращения пьянства, ссор и драк», и о сыске сбежавшего разбойника, и десятки других вопросов. Можно лишь сказать, что сферы компетенции «объявленных» указов чаще всего не самые значимые.

В последующие годы преобладают указы изданные Сенатом. Они касаются ключевых вопросов жизни общества: о порядке содержания колодников, о сборе податей, о денежном содержании мастеровых и других людей, о монастырских имениях, об учреждении богаделен, школ и медицинских учреждений. Например, Сенатский указ от 10 января 1771 г. «О доставлении младенцев, подкидываемых частным людям, в Воспитательный дом». Кроме указов преобладает такая форма, как доклад Сената по определенным вопросам: учреждение госпиталей, о построении казарм в военных гарнизонах и др. В заключении по ним выдавалась резолюция: «быть по сему» (чаще всего) или «быть по Сенатскому указу» или «не взыскивать». Немало выходит именных указов, данных определенному лицу. Например, указ от 10 января 1768 г. Именной данный Президенту Медицинской Коллегии Барону Черкасову «О заведении аптек в городах, и о содержании Докторов и Лекарей».

Судебные решения имеют силу закона в тех случаях, по которым они состоялись. В изучаемый период были судебные решения, сила которых распространялась в самом их изложении на все случаи, им подобные. Так, в указе от 17 октября 1763 г. «Об определении отставных воинских и статских чиновников в службу по их желанию» говорилось: «... Приказали:... и впредь кто из отставных от воинской и штатской службе пожелают быть в штатской службе, по силе оног... указа, к определению к делам писать Герольдмейстерской конторе, не докладывая ... Сенату, а отставным от военной службы, если в службе быть пожелают, просить в Военной Коллегии...» [2]. Есть другие указы, которые в начале были частными, но в последствии приняты примером для других решений и, таким образом, стали общими.

Анализируя законотворческую деятельность социальной направленности Екатерины II, можно выделить следующие аспекты: указы, связанные с деятельностью приказов общественного призрения (далее – ПОП), о призрении воинских чинов, об образовании, об организации врачебной помощи. Остановимся на них несколько подробнее.

О приказах общественного призрения впервые упоминается в «Учреждениях для управления губерний Российской империи». В его ведении находились народные школы, больницы, сиротские дома, аптеки, богадельни, дома для неизлечимых больных, дома для сумасшедших, дома работные, дома смирительные. Чуть позже выходит ряд законов, направленных на расширение возможностей увеличения капиталов. В 1785 г. выходят законы,

в соответствии с которыми городским магистратам разрешено выделять пособия приказам. В 1788 году ПОП разрешено взимать в свою пользу штрафные деньги, взыскиваемые в городе с купцов и мещан, а также пени с виновных за несвоевременный раздел наследственного имения. В 1789 году выходит предписание производить ежемесячное освидетельствование средств ПОП при участии губернских прокуроров.

Остановимся теперь на политике в отношении призрения воинских чинов. Указом от 26 февраля 1764 г. Екатерина II освободила церковь от призрения военных в монастырях, однако было предписано направлять из их доходов 125 тыс. рублей на содержание военных инвалидов. В то же время унтер-офицеров и рядовых, пригодных к военной службе, следовало определять в гарнизоны или на другие работы. Наряду с самими воинскими чинами пользовались призрением и жены военнослужащих. Так, указом от 14 марта 1763 г. предписывалось «отосланных и впредь отсылаемых из Московской полиции солдатских, драгунских матросских и рекрутских жен, канцелярии Синодального экономического правления принимая, определять в богадельни» [3].

В 1763 г. была создана Комиссия по народному образованию в составе Г.Н. Теплова, Г.Ф. Миллера, Ф.Г. Дильтея и др. Итогом этой работы явился созданный в 1765 – 1766 гг. «Генеральный план гимназий или государственных училищ». Образовательная реформа была начата по плану И.И. Бецкого, когда по его проекту был основан Воспитательный дом с подробным изложением цели нового учреждения и принципов, на которых оно должно было быть основано. Учреждение в Москве воспитательного дома способствовало устройству подобных домов и в других городах на основании указа от 15 марта 1770 г.: «...надлежит для приносимых несчастно рождающихся младенцев учредить здесь в Санкт-Петербурге Воспитательный дом, для которого за способное нахожу место по берегу Невы реки, что прежде именовался смольной запасной двор, принадлежащее, но ныне ненужное, к Воскресенскому Новодевичью монастырю...

Резолюция. Быть по сему: а на доброе начинание 5000 рублей возьмите из Кабинета» [4]. В 1780-е гг. на новом уровне была продолжена реформа образования. В сентябре 1782 г. указом императрицы была создана Комиссия для заведения в России народных училищ во главе с П.В. Завадовским. Комиссия представила Екатерине «План к установлению народных училищ в Российской империи», а спустя 4 года императрица утвердила «Устав народным училищам Российской империи». Утверждая «План к установлению народных училищ», императрица внесла в него изменения, связанные с изучением иностранных языков. Она сочла, что в народных училищах незачем преподавать французский, а следует преподавать языки, связанные с историческими особенностями региона. Главной заслугой Екатерины II в области просветительских преобразований можно считать первый опыт создания в России системы общего начального образования, не ограниченного сословными преградами (за исключением крепостных крестьян). Значение этой реформы очень высоко, ведь речь шла о создании общероссийской системы образовательной школы.

Литература

1. Обзорение исторических сведений о своде законов. Издано одесским юридическим обществом в память пятидесятилетия дня смерти графа М.М. Сперанского. – Одесса: типография «Одесскаго Листка», 1889. – С.38.
2. Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. (ПСЗ – 1) – Санкт-Петербург. 1830. Т. 16. – С. 401–402.
3. ПСЗ-1. – Т. 16. С. 175–176.
4. ПСЗ-1. – Т. 18. С. 30.

Информационное взаимодействие населения и власти: теория и практика

В настоящее время в связи с развитием информационных процессов можно говорить о возникновении элементов электронной демократии, становление которой предсказывали теоретики постиндустриального (информационного) общества.

Переход от индустриального общества к постиндустриальному занимает достаточно много времени, кроме того, существует специфика различных политико-правовых систем, неодинаковые социокультурные условия. В любом случае представляет практический интерес соотнесение идеальных моделей, разработанных теоретиками недавнего прошлого, формировавших свои модели до наступления эпохи Интернета, с современными реалиями.

Основная идея классиков информационного общества, таких как А. Тоффлер, Д.Белл, И. Масуда, состояла в том, что представительная демократия как атрибут индустриального общества с развитием информационных систем уступит место непосредственной демократии или партиципаторной демократии (демократии участия). С 90-х гг. можно наблюдать, как изменение информационно-технологической базы формирует предпосылки электронной демократии, вместе с тем, очевидны и объективные препятствия, возникающие на этом пути. Эти препятствия имеют как технико-технологический, так и социокультурный характер. Теоретики информационного общества предполагали, что технологические новации качественно изменяют все функции политического процесса: коммуникацию, агрегацию интересов, принятие решений. Сегодня мы должны констатировать, что процесс формирования демократии участия находится в самом своем начале и затрагивает лишь формы коммуникации.

Представляет, в частности, интерес анализ такой формы информационного взаимодействия населения и власти как сайты администрации муниципальных образований. При этом возникает вопрос о критериях оценки данной формы. Их можно формулировать, опираясь на различные модели, например, на понятийный аппарат информологии, как теории социального информационного взаимодействия. Так, с точки зрения информологии наибольшее значение имеет выявление информационных барьеров, то есть тех трудностей объективного и субъективного характера, которые препятствуют нормальному взаимодействию элементов системы местного самоуправления и населения. Часть этих барьеров определяется социальными характеристиками населения, часть – профессиональной и политической культурой администрации, часть – имеют технико-технологическую природу. Вместе с тем, следует заметить, что такая оценка будет характеризовать, скорее, технологические сложности реализации потенциала электронной демократии, что же касается оценки с точки зрения тенденций развития народовластия, то здесь уместно воспользоваться в качестве критериев принципами И. Масуды, которые он сформулировал в своей известной работе «Информационное общество как постиндустриальное общество».

Итак, для реализации идеи непосредственной демократии необходимо, во-первых, чтобы в принятии решений участвовали все или, по крайней мере, большинство граждан. Анализ сайтов районных администраций показывает, что этот принцип практически не находит воплощения в действительности: механизм принятия решений, конечно, присутствует, но он, согласно существующему законодательству, реализуется только через представительный орган власти. Сайты администраций предназначены преимущественно для информирования граждан, и хотя многие из них технически обеспечивают обращение к органам власти, эта функция практически востребована в лучшем случае десятками граждан конкретного муниципального образования. И.Масуда прогнозировал снижение возраста участия в голосовании и дифференциацию заинтересованных граждан в соответствии с групповыми целевыми установками. Например, по его мнению, подростки могли бы участвовать в решении типично молодежных проблем: курения, сексуальных отношений, образования и т.п. Современными прообразами подобной групповой активности можно считать феномены краудсорсинга или краудфандинга, которые находят применение в сферах производства, благотворительности,

научных исследований, но имеют пока мало отношения к местному самоуправлению, хотя мобилизация финансовых средств посредством сайтов администраций (краудфандинг) периодически имеет место.

Второй принцип – дух синергии и взаимопомощи, который должен быть идеологической основой демократии участия. Конечно, консолидировать на такой идейной основе значительные массы населения на фоне усиливающейся социальной дифференциации не представляется возможным, хотя нельзя исключить это на уровне отдельных организованных сообществ с развитой политико-правовой культурой гражданского типа. И. Масуда был убежден в том, что представительная демократия базируется на духе индивидуализма и эгоизма и означает безусловное господство большинства над меньшинством. Названные выше формы типа краудсорсинга в качестве идейной основы имеют стремление людей к альтруизму и кооперации, что позволяет мобилизовать их на решение актуальных задач без значительных материальных затрат.

Третий принцип непосредственной демократии – доступность информации. Теоретик имел в виду разные виды информации: социальную, экономическую, повседневную, перспективную. Особое значение И. Масуда придавал информации, обеспечивающей решение конкретных актуальных проблем. Анализ сайтов показывает, что информация, содержащаяся в них, имеет в основном общий характер: знакомит посетителя сайта со структурой органов местного самоуправления, руководством, текущими событиями, нормативными документами. Очевидно, что потребителями такой информации становятся граждане, заинтересованные в решении личных проблем, а также представители бизнес-сообщества, имеющие экономический интерес в плане взаимодействия с администрацией. Характерным недостатком сайтов с этой точки зрения является нерегулярное обновление информации, что препятствует полноценному диалогу.

Четвертый принцип утверждает необходимость распределения полученных благ между гражданами таким образом, чтобы они были заинтересованы в сотрудничестве, а также коллективного характера принятия решений. Однако реализация этого принципа явно находится за пределами современной действительности. Пятый и шестой принципы носят, скорее нормативно-этический характер: принимаемые решения должны иметь коллективный характер, а граждане должны быть готовы к участию в решении общих проблем без законодательного принуждения на основе «свободного самоограничения».

Таким образом, на современном этапе становления демократии участия можно говорить лишь о попытках изменить качество коммуникации власти и населения: все административные органы, как государственные, так и муниципальные нацелены на организацию информационного обмена с населением, которое со своей стороны минимально вовлечено в этот обмен, поскольку не имеет реальной мотивации для этого.

Что же касается агрегации интересов и принятия решений, то эти элементы в современных формах соответствуют качественным характеристикам представительной демократии.

Работа выполнена в рамках реализации гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-13-33002)

Литература

1. Masuda Y. The Information Society as Post Industrial Society. World Future Society. – Washington, D.C. USA. 1983. – p.104-106.

Структура и функции местных судебных органов второй инстанции в первой половине XIX в.

На уровне губернии оставались такие судебные учреждения как палаты гражданского и уголовного суда. В их состав входили председатель, его товарищ и заместители. С 1831 г. в по требованию дворянства должность председатели стала выборной. Желая поддержать дворянство, император Николай I представил его выбору не только некоторых членов, но и самих председателей судебных палат. На должность председателя каждой палаты дворянство стало выбирать по два кандидата, которых губернатор представлял Сенату на высочайшее усмотрение. Но в случае не утверждения избранных кандидатур, эти должности замещались по назначению. Прежний порядок назначения председателей палаты был оставлен только для губерний, возвращенных от Польши. Это такие губернии как: Астраханская, Таврическая, для Грузии, Кавказа, и Бессарабии - в последних до тех пор, пока местное начальство не признает возможность замещать эти должности по выбору дворян. Товарищ председателя назначался министром юстиции с санкции императора. Заседатели избирались по два от дворянского и городского обществ. [1]

Не соглашусь с Агафоновым по поводу того, что второй инстанцией являлись «верхний земский суд – для дворян, губернский магистрат – для городского населения, верхняя расправа – для свободных сельских обывателей»[2], так как во многих исторических источниках более раннего периода говорится о том, что судами второй инстанции после Сената были палаты гражданского и уголовного суда. Также пишет об этом Домрачев И.Г., который в своей работе указывает, что судами второй инстанции являлись губернские судебные палаты по уголовным и гражданским делам, соединявшиеся в менее значительных городах в одну палату. В этой же инстанции председатель и товарищ председателя назначались правительством, остальные же члены, т.е. два заседателя от дворян и два от купечества были выборными. [3] Палаты рассматривали апелляционные жалобы уездных и городских судов, проводили ревизии решений нижестоящих судов. По некоторым наиболее важным делам палаты являлись судом первой инстанции. Если говорить о числе рассмотренных и решенных дел в палатах, то например, в уголовной палате было решено в 1834 году - 3.609, 158 дел, а в 1833 году – 3.336,473 дела. По гражданским палатам решенных дел 9,245, а не решенных – 3,438. Особый успех быстрого рассмотрения дел виден в палатах: Орловской, Рязанской, Курской, и Смоленской. За ними не осталось ни одного дела.[4] По уголовным палатам не только число не решенных уменьшалось, но и количество подсудимых уменьшилось тоже. Например, количество подсудимых женского пола составляет всего седьмую часть подсудимых мужского пола. По качеству особых преступлений подсудимых: По убийству – 4,888, самоубийству – 481, разбою - 227, личным обидам – 3,683, драке – 4,660, «зажигательству» 1,880, святотатству 598. Анализ преступлений по сословиям дает следующие показатели: количество мещан в сравнении с другими сословиями очень велико и подсудимых казенных крестьян по сравнению с помещичьими значительно больше. Убийств подсудимых особенно много было, как и в предыдущем году в губерниях: Тамбовской и Курской. Воровство и грабеж в больших количествах в губерниях: Киевской и Казанской. Разбой в 1834-1833 годы в Киевской губернии. Если рассматривать по категориям и видам преступлений за 1844 год допустим по уголовной палатам таких губерний как: Владимирская, Воронежская, Вятская, Костромская, Курская, Нижегородская, Орловская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская то можно выявить следующее:

Таблица 1. [5] Движение дел в уголовных палатах во Владимирской, Воронежской, Вятской, Костромской, Курской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской губерниях.

Вид преступления	Осталось от 1843 г. дел	Вступило в 1844 г. дел	Решено в течении 1844 г. дел	Осталось к 1845г.
О «богохулении»	2	39	27	2
О непослушании и сопротивлении властям	1039	672	123	188
О лихоимстве	116	237	82	127
Об убийстве	57	558	125	95
Об отраве	3	79	30	3
Об истреблении беременности	2	50	23	2
О буйствах и драке	174	1330	423	33
О лживых доносах	3	8	88	7

Из этой таблицы мы видим, что большее количество преступлений – о непослушании властям и убийствах, драках, значит уже тогда, появлялись лица, недовольные действующей властью и системой, что привело в конце к кардинальным изменениям в России в конце XIX века и в начале XX века в том числе. Если же провести сравнительный анализ 1844 и 1864 года, то можно увидеть следующее: Если анализировать количество дел и подсудимых, которые оставались к началу и к концу года то можно увидеть что к концу 1834 года, например, уменьшилось число дел поступивших на рассмотрение в уголовную палату, и увеличилось число подсудимых мужского пола находящихся на свободе (к началу – 16 %, к концу года – 75 %). Число подсудимых женского пола сократилось и составило к началу года на свободе – 20 %, а к концу года – 1%, . под стражей к началу года – 28%, к концу года- 1 %. Это говорит о том, что преступления тяжкие и особо тяжкие в этом году практически не совершались и поэтому основная масса подсудимых находилась на свободе. К 1844 году ситуация немного изменилась но не кардинально. Немного увеличилось число подсудимых под стражей женского пола – 3% к концу года, увеличилось число подсудимых под стражей мужского пола 9% к концу года. Дел к концу 1844 года оставалось 23% то есть достаточное количество не раскрытых дел. [6] Исходя из проведенного исследования можно сказать что к началу судебной реформы увеличивалось число подсудимых которые находились на свободе, причем только мужского пола (73%), и значительно сократилось число подсудимых находящихся под стражей (1%), но оставалось значительное число подсудимых женского пола, причем находились они под стражей (18%). Так же увеличилось число подсудимых мужского пола под стражей к концу 1854 года составило – 25 %, тогда как к началу года было всего – 18 %. Это говорит о том что лица женского пола совершали преступления более тяжкие чем лица мужского пола.

Литература

1. Тараканов Н.Г. Судебная реформа 1864 г. в Российской провинции (на примере Пензенской губернии) дисс. кандидата юрид. наук. – Саранск 2002. – С.32-34.
2. Агафонов С.Ю. Суды с народным представительством в России в X – начале XX веков (историко-правовое исследование): автореф. дис... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. – 27 с.
3. Домрачев И.Г. Судебные преобразования в России XVIII - XX вв. позитивные и негативные результаты. дисс. кандидата юридических наук. – Нижний Новгород 2008 г. – 45 с.
4. Отчет .министерства юстиции за 1834 г. [1835] – СПб. С.14-19.
5. Отчет .министерства юстиции за 1834 г. [1835] СПб. С.14-19, Отчет министерства юстиции за 1844 г. С 10-16.,; Судебно- статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20-го ноября 1862 года. (по 32 губерниям). Ч. 1-3. – Санкт- Петербург. В типографии при правительствующем Сенате 1866 Ч.1. Ч.2 С.121, 215, 185, 160.
6. Отчеты министерства юстиции за 1844 г. С 10-16.

**Провинциальные судебные органы первой инстанции в начале XIX в.
(на примере Владимирской и Пензенской губернии)**

Во время правления Павла I разрушалось почти всё созданное Екатериной II. Система судебных учреждений была упрощена. Ликвидировались такие судебные органы как: верхние земские суды, губернские магистраты, верхние расправы и верхние надворные суды. Исходя из этого, судами первой инстанции остались по-прежнему – уездные суды, ратуши, городовые магистраты, нижние земские суды, нижние расправы и нижние надворные суды. Позже ликвидированы нижние земские суды, управы благочиния и нижние расправы. Судами первой инстанции остались только уездные суды, ратуши, городовые магистраты и нижние надворные суды. В некоторых губерниях реформирование происходило медленно, поэтому некоторые судебные учреждения существовали дольше, чем было указано в законодательных актах. Например, во Владимирской губернии нижние земские суды просуществовали вплоть до судебной реформы 1864 года. Они существовали так долго из-за того, что какие – то из них были только недавно созданы (Муромский в 1824г.), а какие-то, просто не чем было заменить.

В начале XIX в. уездный суд по-прежнему состоял из председателя и двух заседателей от дворян и двух от поселян. К 1830-м годам число заседателей увеличилось за счет двоих представителей от крестьянского сословия. Судьи и заседатели уездного суда избирались и срок их избрания составлял от 3-х до 6 лет. В уездном суде дела в отношении государственных крестьян решались уездным судьей при участии сельских заседателей. Дела, относящиеся одновременно и к дворянам и к поселянам, рассматривались совместно с дворянскими и сельскими заседателями, а дела купцов и дворян рассматривались общим присутствием уездного суда и городского магистрата. [1]

Во Владимирской губернии уездные суды просуществовали и после судебной реформы 1864 года. В компетенцию уездного суда входило рассмотрение мелких гражданских и уголовных дел. Этот судебный орган рассматривал гражданские иски до 30 рублей, преступления, по которым не предусматривались наказания в виде смертной казни, лишения чести или торговой казни, а так же это были земельные, межевые споры, переход недвижимых имений, особенно крепостных деревень, из рук в руки. В XIX в. большую категорию составляли дела с участием крестьян, причем не только казенных, но и частновладельческих.

Среди уголовных дел, рассматриваемых, судом первой инстанции, встречались дела об избитиях и покушениях на жизнь, убийствах, членовредительстве во избежание рекрутства, кражах, о незаконных порубках леса, так называемые бытовые преступления. К категории особо секретных относились дела о фальшивомонетчиках и раскольниках. Рассмотрение уголовных дел начиналось в суде, как правило, по рапорту земского суда, сообщению городской полиции, указам Пензенского Губернского Правления или по частной жалобе. По большинству категорий дел, уездный суд не был компетентен принимать окончательные решения. Он передавал все документы «по исследованию дела» с применяемыми по делу законами и «мнением» суда в губернскую палату уголовного или гражданского суда. Кроме рассмотрения гражданских и уголовных дел уездный суд вел регистрацию дарственных актов, купчих на продажу земель, вотчин, духовных завещаний, отпускных на крестьян и дворовых людей, разделительных актов, купчих крепостей, заемных писем, закладных земель и имущества, вел книги по записи разных сделок и пошлин. Жалованье уездных судей и заседателей за год составляло от 300 до 450 рублей в зависимости от разряда. Судом низшей степени для городских сословий по-прежнему являлись городовые магистраты. В состав магистрата входили 2 бургомистра и 4 ратмана (состав его не изменился). Они могли подавать апелляции в палаты уголовного и гражданского судов. Городовые магистраты подразделялись на 3 департамента: один для рассмотрения уголовных дел и два для гражданских дел. Каждый городской магистрат или ратуша (в посадах) обладали установленным штатом

делопроизводителей - секретарем и канцелярскими служащими. В Пензенской губернии городские магистраты действовали в Пензе, Саранске, Инсаре, Краснослободске, а в Наровчаге, Нижнеломовске, Керепске, Чембаре были ратуши [2]

Во Владимирской губернии городские магистраты существовали в Александровском, Владимирском, Вязниковском, Гороховецком, Ковровском, Меленковском, Муромском, Покровском, Судогодском, Суздальском и Юрьевском уездах вплоть до 1866 года [3]. Состав и компетенция этих магистратов были такими же, как и в других губерниях. Среди служащих городских магистратов, как в Пензенской, так и во Владимирской губернии было достаточное количество неграмотных. Поэтому о компетентности и владении законом членов городских судебных учреждений говорить не приходится. [2]. В менее населенных местностях создавались ратуши, которые выполняли те же функции, что и городские магистраты. Во Владимирской губернии существовала Киржачская городская ратуша которая занималась рассмотрением межевых дел, дел связанных с торговлей, ценами на продукты и т.д. [4]

При уездных судах и городских магистратах действовали учрежденные еще в 1775 г. сословные органы - дворянские опеки (в состав которой входили уездный предводитель дворянства, уездный судья и заседатели) и сиротские суды (в составе городского головы, членов магистрата и городского старосты). Они сохраняли соответствующую собственность дворян или мещан в том случае, если владельцами ее оказывались вдовы, малолетние или «порочные» лица, проматывающие имущество. Над такими владельцами назначались опекуны, которые управляли опекаемым имуществом за 5% с его доходов, причем, по свидетельству современников, опекунами назначали любого человека, который вносил членам дворянской опеки соответствующую плату. Дворянские опеки и сиротские суды следили за осуществлением опеки, разбирали жалобы на опекунов, представляли отчеты гражданской палате. Во Владимирской губернии дворянская опека была создана во всех уездах, и просуществовал вплоть до 1885 года, за исключением Киржачской, которая была расформирована в 1796 году. В начале XIX века были восстановлены также словесные суды, которые занимались рассмотрением мелких гражданских дел с порядком более упрощенного производства, целью которого было примирение сторон тяжбы. Во Владимирской губернии эти суды не создавались их функции выполняли административные органы и соответствующие в губернии должности, а именно: губернаторы и их заместители, городничие, старосты, стантовые приставы и т.д. [5].

Совестные суды существовали до 1852 – 1857 гг., когда неэффективность их деятельности привела к упадку и упразднению [6]. Во Владимирской губернии они действовали во Владимирском до 1852 года и в Вязниковском до 1862 г. уездах [7], но подробных архивных данных о деятельности этих судебных органов не существует. В Пензенской губернии сохранилась особая юрисдикция в отношении крестьянства. В каждой волости или селе для государственных крестьян существовали волостная и сельская расправы. Они занимались рассмотрением мелких исков и проступков крестьян и состояли из выборных судей и двух заседателей. Волостная расправа решала дела по искам не более 15 руб., а сельская - 5 руб. По проступкам расправы могли назначать штраф от 25 коп. до 1 руб.

Деятельность волостных органов регламентировалась «Учреждением для управления губерний», полицейскими и судебными уставами от 23 марта 1839 г. Низшей инстанцией для помещичьих и удельных крестьян был вотчинный суд помещиков и администрация удельных крестьян которая, имела над ними права, равные правам помещиков над своими крестьянами. В имениях существовали локальные системы суда и управления в виде назначаемых помещиками управляющих, или органов мирского самоуправления - старост, целовальников [2]. В это же время в 1808 г. создается особый суд – коммерческий, при котором состоял прокурор. В его состав входили председатель, четыре члена и один консультант. Причем члены этого суда избирались купцами из своего сословия. Полномочия этого суда заключались в том, что он рассматривал купеческие сделки, иски городских и иногородних купцов, отношения других представителей, которые касаются исключительно торговых дел. Первоначально коммерческие суды были образованы лишь в приморских городах, но со временем они создаются и в других городах [8].

Дела между купцами городскими и иногородними, по которым цена иска была больше 500 руб. рассматривались в Палате уголовного и гражданского суда и расправы.

В течение последних семи лет производство дел в судебных органах первой степени увеличилось на 121,977 дел. Из общего числа дел производившихся в 1864 году например (403,191) 58,937 – относились к делам об опекунстве которые рассматривались в дворянских опеках и сиротских судах. Из их числа решено в 1864 году 14,214 дел , 44,723 дела по не окончанию опеки или ревизии опекунских дел так и остались нерешенными к 1865 году. За исключением опекунских дел в судах первой степени производилось 344,184 дела гражданских и уголовных, из которых было решено 242,131, и остались нерешенными к 1865 году – 102,053 дела. [9]. Исходя из анализа всех дел, можно сделать вывод, что к 1865 году число нерешенных дел увеличилось на 1804.

Конечно, производство дел зависит от их специфики и свойств. Нередко производство дел останавливалось по причине неточных или неполных сведений по делу от полиции или, наоборот, из-за того, что сведения по делу нужны полиции для выявления новых доказательств по делу. В судебных учреждениях первой степени по 19 губерниям было решено дел, более годового вступления. Наилучшая картина по разрешению дел наблюдается в следующих губерниях: Гродненской (решено дел более годового вступления на 300), Екатеринославской (на 380), Оренбургской (на 641), Самарской (на 186), Смоленской (на 244), Таврической (на 658), Херсонской (на 748).

Число нерешенных дел наиболее увеличилось по судам первой степени например Астраханской на 515, Виленской – 468, Витебской – 173, Воронежской – 538, Саратовской- 368, Симбирской- 274, Тамбовской – 307, Тверской – 377, Томской- 259. Стоимость всего имущества и капиталов по исковым и другим тяжбам, решенным окончательно в 1864 году судами первой степени без передачи дел в вышестоящие судебные органы составляла 15398, 994 рубля 51 коп.

Наибольшую стоимость имущества по судебным делам составляли дела, рассматриваемые в основном в областных городах и в столицах, а именно: Санкт-Петербургской – 3.211,678 руб., Херсонской – 1.616, 438 р., Пермской – 1.135, 527 р., Саратовской – 926,755 р., Таврической – 853,741 р., Новгородской – 553,567 р. В других губерниях стоимость имущества была ниже полумиллиона. Судебных дел решенных в судах первой степени и переданных в судебные места второй степени в 1864 году было 62, 874, из которых утвержденных – 33,488, 17,842 – изменены и дополнены и 11,544 отменены.

Число производившихся дел в судах первой степени в 1864 году по сравнению с предыдущим увеличилось на 17, 227; число дел остающихся нерешенными судами первой степени в течение семи лет увеличилось до 11, 259; а число производившихся дел в течение этого же времени увеличилось на 121,977. Например, уездными судами Воронежской, Вятской, Казанской, и другими губерниями Центральной России в 1863 году было решено 1433 гражданских дел, а в 1864 – 2584 дела, что говорит об эффективности и улучшении работы этих судебных мест по сравнению с предыдущим годом [10]

Городовыми магистратами, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Тамбовской губерний было решено в 1863 году уголовных – 705, а в 1864 году- 1119 дел, гражданских в 1863 - 1122, а в 1864 году – 1426 дел (Судебно- статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20-го ноября 1862 года (по 32 губерниям). Ч. 1-3. Санкт- Петербург. В типографии при Правительствующем Сенате 1866 Ч.2. .С. 210-234, 303-335, 337-362, Ч.3. С.73-96.). Здесь можно увидеть тенденцию повышения эффективности быстроты рассмотрения и производства дел и вынесения окончательных решений.

При всей недостаточности средств и плачевного состояния судов первой степени и при постоянно увеличивающемся количестве принятых дел эти учреждения справлялись со своими полномочиями и разрешали огромное количество дел.

Литература

1. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Науч. Консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. II. Период абсолютизма/Отв. Ред. С.А. Колунтаев. – М.: Мысль, 2003. – С. 382-383.
2. Тараканова Н.Г. Судебная реформа 1864 г. в Российской провинции (на примере Пензенской губернии) дисс. кандидата юрид. наук. – Саранск 2002. 33 с.

3. ГАВО. Ф. 16, 17, 18, 19, 20, 21,22,24,25,26,28.
4. ГАВО. Ф.833.
5. ГАВО. Ф.977, 69,70,71.
6. Домрачев И.Г. Судебные преобразования в России XVIII - XX вв. позитивные и негативные результаты. дисс. кандидата юридических наук. Нижний Новгород 2008 г. С.45.
7. ГАВО.Ф. 121,122.
8. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXX. № 22.886; Т. XXXVIII. № 28.953.
9. Отчет министерства Юстиции за 1864 г. [1866] – СПб. С.43-54.
10. Судебно- статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20-го ноября 1862 года (по 32 губерниям). Ч. 1-3. Санкт- Петербург. В типографии при Правительствующем Сенате 1866 Ч.1. .С.165-197, 199-258, 346-360. Ч. 2. С 32-49, 50-71, 121-159, 185-209, 210-234,303-336, 337-362, Ч.3.С. 73-96.

Структурно-функциональная модель подразделения ИДН по профилактической работе с несовершеннолетними

Инспекция по делам несовершеннолетних (ИДН) отслеживает путь подростков, состоящих на профилактическом учете и вышедших из Центра временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВИНП), но дальнейшего социально-психолого-педагогического сопровождения, как правило, не происходит.

Это можно объяснить несколькими причинами:

- 1.Отсутствием контакта между социальными, педагогическими, психологическими службами региона и специалистами, в частности ЦВИНПа;
- 2.Отсутствием связи между социальными, психологическими службами и самой семьей, в которой воспитывается правонарушитель;
- 3.Отсутствием четкого взаимодействия между психологами, педагогами, социальными работниками образовательной и социальной сфер.
- 4.Отсутствием должного взаимодействия с КОСами по проведению профилактической работы по месту жительства несовершеннолетнего правонарушителя;
- 5.Практическое отсутствие материально доступных для подростков кружков по интересам, физкультурно-оздоровительных центров, мест активного проведения досуга и отдыха

Целью создания теоретической модели является: повышение эффективности профилактики девиантного и криминального поведения подростков, организация сотрудничества специалистов отделения по профилактической работе с органами образования, здравоохранения, общественного самоуправления, досуга и отдыха и иными органами, занимающимися профилактической деятельностью. Объектами деятельности подразделения ИДН по профилактической работе являются подростки, то есть лица, не достигшие 18-летнего возраста и совершившие противоправные поступки, вследствие чего они были поставлены на профилактический учет в ИДН, а так же лица, не достигшие 18 лет, вышедшие из Центра временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей.

Задачи подразделения:

- 1.Внедрение в практику новых форм профилактических мероприятий, направленных на психическое, физическое и духовное развитие несовершеннолетних правонарушителей.
- 2.Расширение связей подразделения по профилактике правонарушений несовершеннолетних с другими социальными организациями и учреждениями в целях осуществления эффективной и качественной работы.
- 3.Взаимодействие специализированного состава подразделения со специалистами КОС по месту жительства несовершеннолетнего правонарушителя, учреждениями образования, здравоохранения, досуга и отдыха и другими организациями и учреждениями, принимающими участие в проведении профилактических мероприятий.
- 4.Создание картотеки и личных карт учета для проведения индивидуальных профилактических мероприятий с несовершеннолетними правонарушителями.
- 5.Проведение индивидуальной социально-педагогической работы с семьями, где воспитывается несовершеннолетний правонарушитель.
- 6.Проведение групповых тренинговых занятий с несовершеннолетними асоциального поведения.

Подразделение осуществляет свою работу на основании следующих **программ:**

- 1.Программы творческой реализации. Их задача - демонстрация подросткам их индивидуальности и ценности для общества через творческую реализацию. Эти программы хороши для детей с сохранным интеллектом и без выраженных нарушений внутрисемейных отношений.

2. Программы трудовой реализации. В рамках этих программ основной упор делается на приобретение подростками трудовых и профессиональных навыков. Они более всего подходят для подростков со сниженным интеллектом и с выраженной органической церебральной патологией, при этом социальная работа с ними требует дополнительного вмешательства со стороны психиатра, который должен вести лечебную работу параллельно с программой социальной реабилитации.

3. Программы социальной реализации. Они наиболее оптимальны для подростков, составляющих группу риска по совершению криминальных актов (совершившие административные, незначительные и однократные правонарушения). Эти подростки нуждаются в вовлечении в социальные мероприятия на уровне школы, клубов по интересам, спортивных секций и так далее.

4. Программы ресоциализации включают в себя 2 этапа.

На первом этапе решаются, в основном, педагогические и медицинские задачи, на втором - задачи в рамках программ 1 и 2. В программы ресоциализации целесообразно включать подростков с нарушениями семейных отношений, грубой педагогической запущенностью и стойкой криминальной активностью.

На первом этапе подростки получают лечение и приобретают навыки обучения. На втором этапе в отношении подростков с диссоциальным расстройством личности реализуется программа творческой реализации, в отношении подростков с интеллектуальной недостаточностью - программы трудовой реализации.

5. Комплексные программы ресоциализации. Используются в отношении подростков, страдающих наркоманией и алкоголизмом, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание и так далее.

В целом применение программ обеспечивает комплексный подход к проведению профилактических мероприятий с несовершеннолетними асоциального и криминального поведения. Структурно-функциональная модель подразделения ИДН направлена на реализацию комплексного и системного подходов к проведению профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями посредством реализации интегративных технологий - социально-педагогических, социально-медицинских, социально-психологических, культурно-досуговых, которые предполагают тесное сотрудничество и скоординированность деятельности специалистов различных сфер: образования, здравоохранения, культуры, спорта, общественного самоуправления.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 25 апреля 1995 г. №420 "Об утверждении Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением".
2. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120 - ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" (с изменениями от 13 января 2001 г.)
3. Волкова Н., Величко О. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. "Законность" №4, 2004 г. – С. 2-5.
4. Комплексные методики активизации социальной работы с семьей : научно - методическое пособие / Под ред. В.Ю. Меновщикова. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2001. – С. 93 - 110.

Организационно-правовая система управления в сфере социального обслуживания населения (на примере округа Муром)

Первоочередной задачей России, как социального государства, является защита прав и интересов граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. Одним из элементов системы гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер государственной поддержки различных категорий граждан выступает социальное обслуживание населения.

Федеральный закон № 195-ФЗ в ст. 1 дает определение понятию «социальное обслуживание» [1], согласно которому, оно представляет собой деятельность социальных служб по оказанию различных видов социальных услуг (социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых), социальной поддержки и предоставлению материальной помощи нуждающимся гражданам.

Законодательная база, регулирующая отношения в сфере социального обслуживания, представляет собой многоуровневую систему правовых источников, включающую нормы международного права, Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, акты Правительства Российской Федерации, законодательство субъектов Российской Федерации, а также национальные стандарты социального обслуживания населения, устанавливающие основные требования к объему, качеству, порядку и условиям оказания социальных услуг.

Управление социальным обслуживанием населения и практическая реализация права на социальное обслуживание, закрепленного в Конституции Российской Федерации, реализуются на различных уровнях: федеральном, региональном и муниципальном.

Федеральные органы исполнительной власти реализуют компетенцию в сфере социального обслуживания в форме определения основных направлений государственной политики, принятия федеральных законов в области социального обслуживания, совершенствования и развития системы социального обслуживания, разработки федеральных целевых программ, а также осуществляют контролируемую функцию.

Главенствующее положение в системе федеральных органов управления сферой социального обслуживания населения занимает Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, которое согласно Положению является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социального обслуживания населения [2].

В качестве главной задачи Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации призвано обеспечить осуществление государственной социальной политики. В частности в его компетенцию входит внесение в Правительство Российской Федерации федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ по вопросам социального обслуживания, а также определение порядка предоставления гражданам социальных услуг.

Согласно ст. 21 Федерального закона № 195-ФЗ к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации относятся разработка, реализация и финансирование региональных программ социального обслуживания; определение структуры и организация деятельности органов управления государственной системой социального обслуживания; установление порядка координации деятельности социальных служб; создание, управление и обеспечение деятельности учреждений социального обслуживания [1]. Статья 19 этого же закона гласит, что управление государственной системой социальных служб осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с их полномочиями.

С целью реализации вышеуказанных положений в администрациях субъектов Российской Федерации создаются департаменты социальной защиты населения. Например, органом администрации Владимирской области, проводящим государственную политику в сфере социальной защиты населения и осуществляющим исполнительно-распорядительные функции в данной сфере деятельности на территории области, является Департамент социальной защиты

населения Владимирской области [3]. К полномочиям Департамента относится участие в формировании и реализации региональной политики в области социальной защиты населения, а также социальная поддержка и социальное обслуживание населения.

Среди основных функций Департамента можно назвать организацию социального обслуживания различных категорий граждан, разработку проектов областных нормативных актов и целевых программ в сфере социального обслуживания населения, а также координацию, контроль и организационно-методическое обеспечение деятельности подведомственных учреждений социального обслуживания.

Непосредственное социальное обслуживание населения обеспечивается системой социальных служб и учреждений, подразделяющихся, в зависимости от условий, в которых предоставляются социальные услуги, на следующие типы: стационарные, полустационарные, нестационарные, комплексные, учреждения социального обслуживания на дому и другие.

Так, на территории округа Муром и Муромского района функционируют четыре областных государственных учреждения социального обслуживания населения, работающих с различными категориями граждан:

- социальные услуги семье и детям предоставляют ГКУСО ВО «Муромский реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» и ГКУСО ВО «Муромский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних»;

- социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов осуществляют: ГАУСО ВО «Муромский комплексный центр социального обслуживания населения» и ГАУСО «Социально-оздоровительный центр граждан пожилого возраста и инвалидов «Вербовский».

Контроль за деятельностью учреждений социального обслуживания населения, расположенных на территории округа Муром и Муромского района, осуществляет государственное казенное учреждение Владимирской области «Отдел социальной защиты населения по городу Мурому и Муромскому району», основной целью деятельности которого является выполнение государственных полномочий по предоставлению мер социальной поддержки отдельным категориям граждан в соответствии с действующим законодательством [4]. По результатам ежегодных проверок, выполняемых Отделом, отмечается, что весь комплекс социальных услуг в учреждениях социального обслуживания предоставляется своевременно и в полном объеме, что способствует повышению качества жизни населения округа.

Таким образом, организационно-правовая система управления в сфере социального обслуживания населения включает в себя совокупность взаимодействующих между собой государственных органов, служб и учреждений, их функции и полномочия, формы и методы их работы, а также нормативно-правовые акты, призванные обеспечивать реализацию задач и функций российского государства в сфере социального обслуживания.

Литература

1. Федеральный закон от 10.12.1995 N 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/105642/>
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 года N 610 «Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/gov/results/19439/>
3. Постановление Губернатора Владимирской области от 10 сентября 2012 г. N 1022 «Об утверждении Положения о департаменте социальной защиты населения администрации Владимирской области» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.avo.ru/administration/documents/all/9032-1>
4. Устав государственного казенного учреждения Владимирской области «Отдел социальной защиты населения по городу Мурому и Муромскому району», утвержденный приказом Департамента социальной защиты населения по Владимирской области от 18.06.2012 N 212 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://murom.social33.ru/files/doc_vnutr/ustav_25_06_12.pdf

Молодежный парламентаризм – институт взаимодействия молодежи и государства

Демократия довольно многоаспектна и многозначна. Она издавна определяется как власть народа, форма политического строя, основанного на признании принципов народовластия, свободы и равенства граждан, выборности основных органов государственной власти и органов местного самоуправления[1].

Демократические коллегиальный и коллективный механизмы управления должны пронизывать и насыщать демократическими методами стиль деятельности как органов государственной и муниципальной власти, так и политических партий, общественных объединений, иных некоммерческих организаций. В коммерческих и иных организациях, включая государственные и муниципальные органы, в которых установлено единоначалие, механизм управления должен сочетать в разумных пределах единоначалие с принципом коллективности руководства.

С середины 90-х годов активно формируется новый демократический институт - молодежное парламентское движение. Молодежные парламенты по своей форме представляют общественные объединения молодых граждан, которые статуса юридического лица не имеют. Важно отметить, что сегодня достаточно трудно дать устойчивое и не вызывающее спора определение молодежного парламентаризма, поскольку данное явление достаточно молодо в нашей стране[2].

Слово "парламент" происходит от английского "parliament" и от французского "parler" - говорить. В этом отношении молодежный парламентаризм можно определить как площадку для взаимодействия молодежи и общества, где молодые люди имеют возможность высказать свои идеи, проблемы органам государственной власти и органам местного самоуправления, донести до них свои мысли о проводимых в государстве курсе, программах.

Получается, что в этом смысле молодежный парламентаризм, во-первых, - форма общения молодежи с руководством страны, региона, муниципального образования; во-вторых, - механизм сотрудничества государства с молодежью. Через молодежные парламенты власть имеет возможность наладить тесный контакт с молодежью, понять ее запросы и потребности, использовать потенциал молодого поколения для решения важных проблем государства и общества в целом.

Во-третьих, в соответствии со ст. 32 Конституции Российской Федерации граждане России имеют право участвовать в управлении государством как непосредственно, так и через своих представителей. Не случайно в качестве основных целей Общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации выдвигаются: разработка предложений по реализации прав молодежи на участие в управлении делами государства, а также содействие в создании условий для проявления инициатив молодежи при формировании и осуществлении государственной молодежной политики; содействие в приобщении наиболее активных и подготовленных молодых граждан к парламентской деятельности, формировании их правовой и политической культуры, поддержка созидательной, гражданской активности молодежи. В этом отношении молодежные парламенты - это одна из возможных форм привлечения молодежи к участию в управлении делами государства, его регионов и муниципальных образований.

В-четвертых, молодежный парламентаризм в перспективе может стать особым социальным институтом реализации конституционных прав молодых граждан. Данный институт может выступать определенной гарантией обязательного учета мнения молодежи при принятии управленческих решений и предотвращения "социальной дедовщины" в российском государстве.

И последнее, молодежный парламентаризм может рассматриваться как один из основных инструментов формирования и развития кадрового потенциала страны, важный элемент системы управления ее человеческими ресурсами. Ведь участие в работе молодежных парламентов и подобных им структурах представляет собой особый вид общественно значимой

деятельности, которую осуществляет особый социальный слой, состоящий из наиболее перспективных молодых граждан и представителей их законных интересов, избранных, как правило, на демократической основе непосредственно молодежью.

Таким образом, можно сделать вывод, что молодежный парламентаризм есть особый социально-молодежный срез политико-правовых отношений, складывающихся в процессе осуществления связей государства и гражданского общества. В этом отношении поддержка развития молодежного парламентаризма может стать тем инструментом, с помощью которого органы государственной власти смогут разговаривать с молодежью на одном языке.

Литература

1. Примаков Е.М. Достижения не должны заслонять проблемы. // Российская газета. – 2011. - № 5
2. Липчанская М.А. Формы участия граждан в управлении делами государства в сфере исполнительной власти//Административное и муниципальное право, - 2011, - N 2
3. Кочетков А.В. Молодежный парламентаризм в Российском государстве и праве //Право и государство, - 2010, - №4

Правовая регламентация этапов становления института незаконнорожденных детей

О положении незаконнорожденных по российскому праву в допетровский период мы имеем довольно скудные сведения. Относительно же древнего времени мы почти не располагаем юридическими данными. Все же некоторые заключения могут быть сделаны и относительно данной эпохи, основываясь на сведениях о положении семьи и нравов первых веков существования нашего Отечества.

В языческие времена брак заключался посредством увода и купли невесты. Такие браки не отличались прочностью и правильностью, и при существовании подобных брачных союзов сложно было отличить законных детей от незаконных.

Кроме того, в Древней Руси существовало также многоженство и наложничество, как например, по свидетельству Лаврентьевской летописи, у племен радимичей, вятичей и северян.

Такие условия были неблагоприятными для развития понятия о законности и незаконности рождения, и исторические примеры свидетельствуют это, что даже в правах на княжеский престол, незаконнорожденность не считалась существенным обстоятельством. Пример тому сын рабыни Малуши и великого князя Святослава Владимир, который был сначала Новгородским князем, а потом стал и великим князем всея Руси. И даже в первые века после принятия христианства князья наделяли своих незаконных детей правами законнорожденных. Так, по свидетельству летописца, великий князь Святослав - Михаил отдал город Владимир своему сыну Ярославу, рожденному от наложницы, а князь Ярослав Галицкий вне брака с Настаською и сыну от этого брака отдал Галицкий престол[1].

«Полнейшее равенство незаконных детей с законами до того было свойственно воззрениям русского народа, - отмечал Котляревский, - что сами князья не решались сразу перейти на другую, каноническим правом подготовленную почву»[2].

Однако уже в статье 98 Пространной Русской Правды говорилось, что дети свободного от рабы ему не наследует, а получают вместе с матерью свободу[3]. Из этого можно сделать вывод, что положение незаконнорожденных детей не было столь уж и бесправное. Правда, надо учитывать, что здесь речь идет не о незаконнорожденных детях в нашем понимании, т.е. внебрачных, а о незаконнорожденных с точки зрения кастовости. Однако и такие дети были далеко не бесправными и, судя по запрещению давать им наследство после отца, можно заключить, что в прежние времена они пользовались и этим правом.

Принятие христианства должно было оказать влияние на разграничение прав законных и незаконнорожденных детей, т.к. последние происходили от союза преступного и допускаемого только языческой религией. Но это, видимо, прижилось постепенно, хотя следы христианского влияния начали сказываться рано. К примеру, Святополк, рожденный Владимиром от жены брата своего Ярополка, назывался сыном от прелюбодеяния и рассматривался как незаконнорожденный[1].

Кроме Уставов великих князей, духовенство, конечно же, руководствовалось и предписаниями святых апостолов и святых отцов, а также Номоканон. Так, в грамоте (около 1135 г.) Новгородского князя Всеволода новгородскому владыке, говоря о наследовании незаконнорожденных после своего отца, «приказал епископу управити, смотря в номаканон»[4]. Да и спустя пять веков Соборное уложение 1649 г. подобные коллизии советовало разрешать по правилам святых апостолов и святых отцов[3].

Заслуживает внимание то, что Соборное Уложение не придает значения институту узаконения незаконнорожденных детей, которые не причислялись к законным детям. Надо сказать, что Уложение представляет нам весьма немного сведений о положении внебрачных детей. Оно касается лишь уяснения понятия незаконнорожденности, преследование за детоубийство незаконнорожденных детей и наследственных прав незаконнорожденных.

Незаконным дитем признавался: «прижит он у наложницы, до законья жены» (т.е. брака), или и при законной жене, или после законной жены», равно прижил ребенка от наложницы, а также рожденный от четвертой жены. (Гл. X, ст. 280).

При Петре I законодательство в отношении внебрачных детей развивалось в следующем направлении: подведомственность дел о таковых лицах переходит от церкви к светским властям, и нормы церковного права уступают светским законам. Однако при разрешении вопросов о незаконнорожденных детях продолжало применяться и каноническое право. Так, в именном указе, данному Сенату от 6 марта 1800 г. рассматривался казус, когда некто Апухтин прижил от второй жены при жизни первой двоих детей. Согласно указу эти дети «не могли бы посему пользоваться на основании узаконений и Уложении, Воинских Артикулов и правилам церковных никакими преимуществами отца их»[5].

Но все же главным источником этого периода становятся светские законы - Уложение и Воинские Артикулы. Но по причине бедности этого законодательства в отношении положения внебрачных детей, появляются казуальные указы при разрешении новых дел о незаконнорожденных детях. Причем дело Апухтина 1800 г. становится в этом отношении прецедентом[5].

В царствование Екатерины II стало осознаваться бесправное положение незаконнорожденных детей. Законодатель как будто старался уменьшить массу незаконнорожденных детей, и попытался поставить женщину с ее ребенком под охрану брака, поддержать предположение о законности рождения. В силу такого осознания, появляются отдельные законодательные казусы, когда детям, появившимся на свет от родителей, вступивших в незаконный брак по неведению, стали предоставляться все или только некоторые права законных детей[5].

Таким образом, российское право изучаемого периода следовало началу материнства, но с одним исключением - оно умалчивало об обязанности матери содержать внебрачных детей. По всей видимости, эта обязанность разумелась сама собой.

В отечественном законодательстве XVIII - начала XIX в. встречались законодательные казусы, разрешавшие вопрос о допустимости внебрачных детей к наследованию в отцовском имуществе, к вопросу о наследовании в материнском, которые разрешались как в положительном, так и отрицательном смысле[5].

В правление Александра I была предпринята попытка введения в разряд общего закона легитимацию незаконнорожденных детей. В проекте «Гражданского уложения» незаконнорожденным детям открывалась более широкий доступ к их естественным родителям посредством их последующего брака. Но такой задумке не суждено было осуществиться: проект был сдан в архив, и вопрос о легитимации уже более не поднимался.

С воцарением Николая I начинается законодательный откат в данном вопросе. Основываясь на мнении Государственного Совета, император в 1829 г. выпускает повеление «по предмету усыновления воспитанников и сопричтения к законным детям рожденных теми же родителями до брака». «Уважив, что узаконение незаконнорожденных детей, кроме неудобства, несогласно с духовным и гражданским законами» монарх приказал: «существующие на предмет сей правила отменить и впредь не давать хода прошениям ни об усыновлении воспитанников, ни о сопричтении к законным детям до брака рожденных»[6].

При его преемнике Александре II, вновь начинается поворот в пользу внебрачных детей. В 1857 г. он повелевает «войти в обсуждение вопроса о сопричислении незаконных детей к законным чрез вступление родителей в брак между собою». Наряду с этим, император приказал составить правила о рассмотрении ходатайств об узаконении детей, которые и были утверждены 9 апреля 1858 г.

В них, обращалось внимание, что закон 2 января 1829 г. не отменяется, но из него, «по особым достойным уважения обстоятельствам», могут допускаться изъятия для детей, родители которых впоследствии вступили в законный брак, с соблюдением следующих правил: 1) просьбы такого рода принимаются только от отца - усыновителя; 2) при рассмотрении просьбы должны обращать внимание на заслуги просителя или его усыновляемыми детьми, и принять меры «для точнейшего удостоверения в том», что все они рождены от женщины (за исключением прелюбодейных связей), с которой отец их желает вступить в брак; 3) собранные сведения предоставляются на Высочайшее усмотрение[4].

Узаконенные таким образом внебрачные дети приобретали права, которые предоставлялись законнорожденным детям.

По неизвестным причинам эти правила так и не были обнародованы, тем не менее, вслед им утверждаются два Высочайших повеления: 18 июля 1858 г. и 6 декабря 1860 г.[5] Им был определен порядок исполнения указов об узаконении рожденных до брака детей или об усыновлении воспитанников и приемышей. Однако говорилось, что эти указы вносятся в Сенат не для опубликования, а для хранения, с тем, чтобы они объявлялись просителям и ближайшим их начальникам. Чуть позднее указы были все же помещены в Полном Собрании Законов и вошли как примечание к ст.29 Учреждения Сената[8]. Примечание ясно указывает, что власть уже не предавала безусловной силы воспрещению приносить ходатайства об узаконении внебрачных детей[9].

Значительной законодательной вехой в правовом положении незаконнорожденных детей стал закон 12 марта 1891 года, который облегчил узаконение и усыновление внебрачных детей[7]. Однако, по мнению современников, закон по - прежнему был «неумолимо формален, и поэтому требует нередко полного нарушения нравственного смысла семьи». Современники также отмечали, что «наше законодательство много бы выиграло в своем достоинстве, сравнительно с другими, если бы оно, например, совершенно упразднило кличку «незаконнорожденных», позорящую целый век людей, совершенно неповинных»[10].

3 июня 1902 г. выходит еще один закон, касающийся положения незаконнорожденных или по новейшей терминологии - внебрачных детей. Современник отмечал, что «до последнего времени постановления нашего законодательства о незаконных детях отличались крайнею суровостью, далеко отставая и требований справедливости, и от взглядов общества»[11]. В особенности это касалось детей, появившихся на свет в результате прелюбодеяния.

Таким образом, возникающие в различные периоды времени акты, регулирующие права и интересы незаконнорожденных, оживили общественную инициативу, способствуя устройству судеб сирот и незаконнорожденных.

Литература

1. Лаврентьевская летопись 1037 г.: Неволин К.А. Полное собрание сочинений. – Спб., 1858 г. – Т.Ш.: История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. – С. 170, 306, прилож. 569 // Библиотека Якова Кротова, www.krotov.info
2. Котляревский А.А. Отверженные дети // Дело. 1879. №8. – С. 56
3. Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Под ред. д.ю.н., профессор О.И. Чистякова. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: «Юридическая литература», 1984. – С. 71.; Т.3. Акты земских соборов. – М.: «Юридическая литература», 1985. Гл. XX. – С. 80.
4. Цит. по: Загоровский А.И. О незаконнорожденных по иностранным гражданским кодексам и русскому гражданскому праву // Журнал министерства юстиции. 1898. №5. – С. 5
5. Полное Собрание Законов Российской Империи I. Т. 26. №19310; Т. 22. № 16627; Т. 16. – №11893.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи II. Т. 4. № 3027.
7. Полное Собрание Законов Российской Империи III. Т. 11. № 7525.
8. Свод законов гражданских (св. зак. т. 10 ч. 1, изд. 1900 г. по Прод. 1906 и 1908 гг.) - С предметным указателем и с позднейшими узаконениями по день выхода в свет. / Сост. А.Л. Саатчиан. - Издание неофициальное. – СПб: Издание Юридического книжного магазина И.И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1911. – С. 29-30.
9. Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Февраль. – С. 97-98; Цит. по Загоровский А.И. Курс семейного права. – Харьков, 1902 // www.pravo.vuzlib.org
10. Русская мысль. 1898. Кн. II. – С. 186, 188.
11. Русское богатство. 1902. № 8. – С. 146.